

Адвокат Дмитрий Захватов / Фото: Наталия Буданцева для ОВД-Инфо

22.12.2021, 17:15 Москва

ИНТЕРВЬЮ

«Перед нами стоит задача — восстановить справедливость, нарушенную властями». Интервью адвоката Дмитрия Захватова

Адвокат Дмитрий Захватов уже несколько лет защищает людей как по политически мотивированным уголовным, так и по административным делам, которые сопровождает ОВД-Инфо. Мы поговорили с Захватовым о системе российского правосудия, давлении, двоемыслии силовиков и политических уголовных делах.

Как давно вы в адвокатуре?

— Я попал в адвокатуру в 2016 году. Шел туда целенаправленно, в том числе чтобы защищать людей

от политических преследований. После процессов в отношении Pussy Riot, Надежды Савченко меня поразила работа адвокатов Ильи Новикова, Марка Фейгина. Будучи арбитражным юристом, я подумал: вот именно то, чем я хочу заниматься.

При том, как активно вы помогаете задержанным на митингах и фигурантам политических дел, — активистского бэкграунда у вас нет?

— Абсолютно нет.

И на митинги не ходили?

— Нет.

С вашей точки зрения, что такое хороший результат работы адвоката в политически мотивированном уголовном деле? В случае административки по задержанию на митинге?

— Хороший результат — максимальное количество жалоб, которые вы можете отправить в Европейский суд в рамках какого-то дела.

То есть на российском уровне ничего хорошего ждать не надо?

— Ждать, конечно, можно, другое дело, что на это нельзя рассчитывать. Политические процессы — это игра в одни ворота. Как правило, человека репрессируют не потому, что он сделал нечто негодное властям, а, скорее, для того, чтобы запугать остальных, чтобы они не повторяли его линию поведения. Именно поэтому по делам с политическим бэкграундом очень редко удается оказать человеку эффективную правовую помощь в национальной юрисдикции, причем даже в ситуациях, когда под каток попадают люди, вообще не связанные с активизмом.

Это очень ярко видно на примере [дела Ольги Мисик](#), которая попала под уголовное преследование вместе

с двумя своими друзьями. [Друзья Ольги] никогда не занимались активизмом. Не участвовали они и в акции, которая послужила причиной их уголовного преследования. Тем не менее наравне с Ольгой, которая признала участие в акции, они подверглись уголовному преследованию. В материалах дела попросту нет никаких доказательств тому, что они вместе с Ольгой расклеивали плакаты на здании Генпрокуратуры и воротах Люблинского суда. Тем не менее они наравне с Ольгой попали под преследование и от них не отстали даже тогда, когда выяснилось, что документ, которым прокуратура в этом деле обосновывала ущерб, — грубая фальшивка.

Поэтому задача адвоката в политических процессах состоит в первую очередь в том, чтобы фиксировать нарушения следствия и суда, чтобы впоследствии обращаться с жалобами в международную юрисдикцию и добиваться справедливости уже там.

Вы говорите, что ориентируетесь на ЕСПЧ.

По административным делам логика более или менее понятна — через пять-семь лет можно получить от государства денежную компенсацию за несправедливое решение суда. Но как быть с уголовными делами? Людей приговаривают к длительным срокам, и ЕСПЧ никак не может на это повлиять. Компенсацию назначат, но человек, скорее всего, будет сидеть.

— Иногда, очень редко, но случается так, что человека могут освободить, например, из-под стражи вследствие вынесения ЕСПЧ постановления. Да, производство в ЕСПЧ занимает очень много времени, потому что данный орган создавался не для того, чтобы решать дела по существу, а, скорее, для того, чтобы члены ПАСЕ корректировали свое законодательство в случае, если ЕСПЧ нашло нарушения тех или иных прав человека со стороны государства.

Но проблема в том, что, кроме ЕСПЧ, никаких действенных юридических механизмов, посредством которых можно было бы добиваться справедливости, у нас нет. Перед нами стоит задача — восстановить справедливость, нарушенную властями. Эту задачу можно выполнить лишь теми действенными правовыми инструментами, которые имеются в наличии.

Согласно статистике, в России оправдательных приговоров меньше одного процента. Но при этом порядка 90% людей, которых судят за уголовные преступления, защищал государственный адвокат. То есть в судебных процессах, где реально идет борьба, процент оправдательных приговоров должен быть раз в десять выше?

— Пока особый порядок не стал распространяться на тяжкие составы преступлений, порядка 80% дел рассматривались в особом порядке. Особый порядок — это когда подсудимый полностью признает свою вину [и заключает сделку со следствием]. Тогда разбирательство по существу не происходит, а суд без исследования материалов дела просто назначает наказание. 20% дел рассматриваются в общем порядке. От этих 20% и надо считать процент оправдательных приговоров. Он будет мизерным — около 2%, если эти 20% взять за 100%.

Но в эти 2% оправдательных приговоров входят и дела с подсудностью судов присяжных (они чаще выносят оправдательный приговор — *ОВД-Инфо*), и дела в отношении бывших сотрудников правоохранительных органов [их оправдывают чаще обычных граждан]. Сюда же входят дела частного обвинения: по ряду статей небольшой тяжести человек сам может обратиться в суд, и он же будет выступать в качестве обвинителя.

Если из этих 2% вычесть все вышеуказанные случаи и оставить лишь те, когда разбирательство проходит в отношении простого гражданина в общем порядке,

то вы получите практически полное отсутствие оправдательных приговоров. Безусловно, качественная работа адвоката — важнейший фактор. Но если вы посмотрите на статистику, вы поймете, что даже великолепная защита очень редко приводит к оправданию.

Нередко адвокаты говорят, что успех в российских судебных реалиях — это когда человек получает срок поменьше или условный срок, или когда дело закрывают на стадии следствия. Вы согласны?

— Абсолютно. Если получается так, как вы сказали, — это очень хороший результат. Даже в ситуациях, когда очевидно, что никакого преступления не было, а невиновность лица очевидна не только юристам, но и любому стороннему наблюдателю.

Полностью закрыть уголовное дело мне удалось **один раз**. Оно никак не было связано с политикой. Одна крупная корпорация проворовалась и решила свое воровство списать путем фальсификаций большого количества уголовных дел. Целый отдел полиции в Кубинке (город в Московской области — *ОВД-Инфо*) работал на то, чтобы фальсифицировать эти дела. Мне кажется, несколько лет их отчетность состояла из фейковых дел, которые они же сами и придумали.

В рамках реализации этого плана полиция наняла специальную команду, которая вербовала граждан Узбекистана под видом подработки. Выгружали их в лесу, где сразу же подкидывали орудия преступления — одни и те же абсолютно всем фигурантам этой плеяды уголовных дел. Одинаковый цвет, одинаковые наименования инструментов, которые подкидывали.

Полицейские пытаются задержать адвоката Дмитрия Захватова в коллегии адвокатов недалеко от «Матросской тишины», Москва, 31 января 2021 года / Фото: Валерий Теневой

Иных случаев прекращения уголовных дел в моей практике не было. Были случаи, когда дела «ложились на полку» и оставались без движения несколько лет. Но прекращение — один случай за всю практику. На стадии доследственной проверки, до возбуждения дела, гражданину действительно можно оказать качественную и эффективную помощь. Но после возбуждения дела вся система — следствие, прокуратура, суд — встает против человека. В случае прекращения уголовного дела, тем более по реабилитирующим основаниям, это очень часто оборачивается проверкой для лиц, принимавших процессуальные решения о возбуждении уголовного дела. И в отношении не только этих лиц, но и их руководства. Если следователь дважды за год сталкивается с ситуацией, когда суд возвращает уголовное дело прокурору, он получает выговор с занесением [в личное дело]. Два выговора — увольнение. Поскольку все силовики — следствие, дознание, прокуратура и суды — повязаны друг с другом достаточно хитроумной связью, они начинают работать вместе против

гражданина, который привлекается к уголовной ответственности.

Одно из ярких неполитических дел, в которых вы участвовали — история с «котом-наркокурьером». Расскажите о нем?

— Я попал в это дело по призыву, который группа адвокатов вбросила в [наше профессиональное] сообщество. Наш коллега, адвокат Дмитрий Сотников защищал Эдуарда Долгинцева, обвиняемого в незаконном обороте запрещенных веществ на территории колонии.

На одном из заседаний судья потребовала от Дмитрия, чтобы он вышел из зала и не мешал процессу. Приставы заковали его в наручники, протащили по коридору здания суда. В отношении адвоката была начата проверка по уголовной статье 318: применение насилия [в отношении] судебного пристава. Дмитрию пришлось защищать уже самого себя. Но в это время кому-то необходимо было защищать Эдуарда Долгинцева.

[До дела кота-наркокурьера Эдуард] был осужден по ч. 1 ст. 228 УК на три года. Наказание Долгинцев отбывал в ИК-6 в Тульской области. По фабуле обвинения, в период отбывания наказания он взял себе кота. Начал его кормить, чтобы потом кота кому-то отдать, чтобы этот кто-то навесил на животное наркотики. А потом кот якобы должен был вернуться к Долгинцеву в колонию.

Этот «кто-то» прямо не упомянут в обвинении. Однако в уголовном деле фигурировал некий заключенный, который, как можно было понять по косвенным признакам, в момент «события преступления» освобождался из колонии. Ему-то, как можно было догадаться, Долгинцев якобы и вручил кота. Однако этот бывший заключенный так и не был допрошен в ходе суда.

Уголовное дело строилось на показаниях одного свидетеля обвинения, который вместе с Долгинцевым отбывал наказание в одном из локальных секторов этой колонии. Впоследствии Долгинцев был переведен в другой локальный сектор, они могли общаться только через решетку. Свидетель на самом деле не мог видеть и знать, чем занимался Долгинцев. А сам Долгинцев за 30 дней до «события преступления» был отправлен в ШИЗО, очевидно без кота.

Впоследствии мы выяснили, что вся эта история была выдумана сотрудниками ОКОН ОМВД Новомосковска для того, чтобы скрыть наркотрафик и трафик алкоголя в колонию.

Случилось так, что в процессе проверки колонии со стороны УФСИН Тульской области было изъято невероятное количество алкоголя и наркотиков: 300 грамм гашиша, 22 литра алкоголя. Алкоголь был спрятан в потолке барака. Заключенный, у которого обнаружили гашиш, странным образом повесился в ШИЗО, где повеситься было невозможно. Он погиб на следующую ночь после того, как у него эти наркотики были обнаружены. В таких количествах занести в колонию запрещенные вещества без ведома администрации невозможно. Когда все это вскрылось, надо было придумать историю, как в колонию попадают алкоголь и наркотики. Кота изъяли, приобщили к уголовному делу. Но его же нельзя высушить как гербарий и в дело вложить. Его отдали в местный зоопарк. Кот оттуда драпанул.

И в колонию не убежал?

— Нет, не убежал. [Новомосковск] город маленький. По слухам, местные участковые две недели искали похожего кота на улице, чтобы продемонстрировать его в суде. Когда кота в суд принесли, выяснилось, что это не тот кот. У «подозреваемого» кота левая лапа была белая, а у этого — полосатая.

Какие политические уголовные дела вам больше всего запомнились?

— Все они запоминаются, потому что политические дела — это концентрация правового нигилизма со стороны правоохранительных и судебных органов. Под воздействием физического закона энтропии разложение правоохранительной системы движется с ускорением, каждое новое политическое дело выглядит более абсурдным, страшным и глупым, чем предыдущие.

Конечно, стоит вспомнить о [деле Глеба Марьясова](#), в котором просто переехали на танках огромное количество основных юридических принципов. В частности, то, что запрещено привлекать лицо дважды к ответственности за одно и то же деяние и что должна присутствовать причинно-следственная связь между действиями обвиняемого и наступившими последствиями. Приговор был вынесен по статье УК, которая не отвечает критериям качества закона. [За проведение акций протеста на проезжей части] на усмотрение правоприменителя можно привлекать граждан в рамках «антимитинговых» составов КоАП, составов КоАП, предусматривающих ответственность за нарушение ПДД, так и по [267-й статье УК](#).

В деле Ольги Мисик сотрудники Генеральной прокуратуры грубо подделали документ, которым обосновывался ущерб, причиненный «преступлением». Конечно же, необходимо упомянуть [дело DOXA](#), в котором подсудимых преследуют за абсолютно правомерное поведение. Тем не менее в деле 212 томов.

Двести двенадцать!

— Мы каждый день приходим в суд и тоже думаем: что это? Фигуранты дела DOXA, четверо молодых и очень талантливых студентов, которые выпустили одноминутный ролик. Там не сказано ничего предосудительного даже

по меркам сегодняшнего дня, сильно нетолерантного к свободе слова. Каждый обвиняемый произнес буквально четыре строчки. Общий смысл — давайте будем хорошими гражданами, давайте будем отстаивать свои права. Если вы боитесь участвовать в митингах, можно заняться волонтерской деятельностью или донатить правозащитным организациям.

Для того чтобы создать видимость, что произнесение этого безобидного текста является противоправным деянием, совершенным группой лиц и посягающим на здоровье несовершеннолетних, потребовалось составить 212 томов полнейшей макулатуры, в которой слово DOXA упоминается только в обвинительном заключении и больше нигде.

Из чего состоят эти тома?

— Опросы школьников, студентов. Материалы различных учебных заведений о профилактической работе по недопущению участия учащихся в митингах. Материалы внеклассной работы по истории блокадного Ленинграда, Великой Отечественной войны, Отечественной войны 1812 года. Все что угодно, кроме доказательств [противоправности] слов Аллы Гутниковой: «Боритесь за свои права, если не хотите участвовать в митингах, вы можете стать волонтером».

Дмитрий Захватов со своей подзащитной редакторкой DOXA Аллой Гутниковой, 14 апреля 2021 года / Фото: Арден Аркман для «Новой газеты»

Причина политических репрессий в том, что в России гигантский силовой аппарат — один из самых больших в мире, в Северной Корее, по-моему, только больше.

И этому аппарату попросту нечем заняться. Система оценки правоохранных органов устроена таким образом: по результатам года у тебя как руководителя подразделения должно быть либо столько же «палок», как в прошлом году, либо на одну больше. Такого плана дела возникают на пустом месте из-за системы оценки [качества работы правоохранных органов]. Это неизбежное следствие любой централизованной полицейской структуры, в которой непомерно раздут штат.

Интересный момент: с одной стороны, аппарат гигантский, с другой стороны, в Следственном комитете на местах некомплект, в полиции, в прокуратуре. Это из-за огромного количества иерархических и проверяющих друг друга инстанций?

— У нас все гипертрофировано. Во всех странах, где все правоохранительные органы строго вертикального подчинения, возникают такие эффекты.

Нет муниципальной полиции, выборного шерифа.

— Верно. В демократических странах нет централизованной полиции. Еще в XX веке было доказано, что централизованные правоохранительные органы прекращают заниматься правоохранительной деятельностью и начинают обслуживать интересы своих корпораций. Для ФСБ, МВД, СК борьба с преступностью — лишь побочное следствие защиты своих интересов. Но в таком формате борьба с преступностью неэффективна.

Получается, что аппарат большой, но он абсолютно неэффективен и заточен под то, чтобы соблюдать раскрываемость, а не помогать гражданам посредством сдерживания преступности в социально приемлемых рамках. Это не одно и то же. В погоне за раскрываемостью, сотрудники часто идут на злоупотребления, а настоящие преступники, те, в отношении которых действительно необходимо принимать серьезные меры, остаются в итоге безнаказанными.

Вы подвергались различному прессингу из-за того, что защищаете людей по политически мотивированным делам.

— И колеса мне спускали, и сотрудники полиции меня выводили из помещения. И задерживали нас с коллегами, привлекали к административной ответственности. Что поделать — издержки.

Я правильно понимаю, что на видеозаписи того, как вашей машине спустили колеса, видны активисты SERB?

— Да, конечно.

Хотя бы штраф, компенсацию с них удалось получить?

— Я не обращался в полицию. До трясушки не хочется идти в полицию по таким поводам. Все что угодно, но только не это. Тем более, мы должны быть последовательны. Очень часто приходится защищать людей, которых преследуют за высказывания мнения посредством действия. Например, как в деле Ольги Мисик. Если человек выражает свое мнение, не прибегая к насилию, к нему нельзя применять санкции. SERB, по сути, сделали именно это — выразили свое отношение к моей работе посредством действия. Они наклеили наклейки на мой автомобиль и выкрутили золотники из колес.

А порча имущества?

— Порчи имущества не было, они не прокололи, а спустили колеса. Наклейки с машины я легко снял. Забавно, что даже SERB научились правильно делать акции протеста, никому не причиняя вреда. Убежден, что с точки зрения Конвенции о защите прав человека и основных свобод, они имели право на такие действия. Преследовать их за это нельзя.

Правда, что каким-то полицейским в ОВД вы говорили «привет, Гестапо»?

— Я люблю поговорить с людьми, которые являются проводниками политических репрессий. Узнавать, что они думают. Конечно, я привожу им примеры, в том числе из деятельности Гестапо, Штази. Мне интересно, сравнивают ли они свою деятельность с деятельностью своих коллег, в том числе из этих служб. Ассоциируют ли они себя с этими службами из прошлого. Часто они соглашаются со всеми доводами, уверен, они понимают, что делают что-то неправильное.

В результате таких разговоров я понял, что в их сознании есть особенная внутренняя структура, которая 24/7 занимается вопросами оправдания своей деятельности. Если долго с ними говорить, можно наблюдать конфликт между той частью их психики, которая занимается самооправданием, и другой частью, которая соглашается с тем, что сажать в тюрьму просто за то, что человек назвал себя, например, участником «Хизб ут-Тахрир», на 8-10 лет — это очень плохо (в последние годы предполагаемым участникам Хизб ут-Тахрир выносят и более суровые приговоры от 12 до 18 лет — *ОВД-Инфо*). Я всегда очень надеюсь, что в результате наших бесед светлая сторона хотя бы у части этих людей в конечном счете одержит верх, потому что в противном случае тлеющий конфликт между правоохранительной системой и обществом приведет к катастрофе.

Ещё почитать

24.02.2026 [Москва](#)

Политик из Удмуртии, осужденный из-за высказываний о войне и Путине, больше месяца держит голодовку

11.05.2023 [Другое](#)

ЕСПЧ удовлетворил 26 жалоб подзащитных ОВД-Инфо и ПЦ «Мемориал», задержанных на мирных акциях